

ОТ РЕДАКЦИИ

Роль Герцена в истории русской культуры выяснена в настоящее время достаточно полно. В известной статье Ленина «Памяти Герцена», а также в многочисленных замечаниях о Герцене, разбросанных в других сочинениях Ленина, значение Герцена как одного из самых выдающихся представителей первого — «дворянского» — периода русского революционного движения раскрыто с замечательной глубиной; с образцовой четкостью проанализированы его сложные и противоречивые идейные искания, завершившиеся обращением к Интернационалу — боевому революционному центру международного пролетариата, созданному и руководимому Марксом.

Эти ленинские указания являются руководящими в научно-исследовательской работе над Герценом. В частности, особенно важно применить их к изучению Герцена как художника, ибо эта сторона его исключительно богатой и многогранной деятельности до сих пор остается сравнительно слабо освещенной. Этой задаче и посвящены печатаемые в настоящем томе статьи Я. Эльсберга и А. Лаврецкого. Цель первой, как она сформулирована автором статьи, — «охарактеризовать художественное творчество Герцена как исторически обусловленное явление в развитии русской и мировой литературы и показать Герцена-художника в его связи с родственными ему литературными течениями и традициями». Вторая статья анализирует литературно-эстетические взгляды Герцена, показывая его как яркого представителя теоретической и критической мысли в области литературы и эстетики.

Литературное наследство Герцена, несмотря на наличие фундаментального двадцатидвухтомного собрания его сочинений, выпущенного в 1915—1925 гг. под редакцией М. Лемке, во всем своем объеме до сих пор не опубликовано. Некоторые материалы, не учтенные в этом издании или напечатанные по завершении его, зарегистрированы в обзоре Н. М. Мендельсона «Судьба литературного наследства Герцена», помещенном в № 7—8 «Литературного наследства» (1935). В той же книге воспроизведен ряд статей Герцена из зарубежных изданий, пропущенных в издании, редактированном М. Лемке, неизвестные письма Герцена к Гервегу (в отрывках), Мойсею Гессу (с обратными письмами), Гарибальди.

Документальный раздел настоящего тома открывается неизданной заметкой Герцена «Вместо предисловия или объяснения, к сборнику», подтверждающей что «уже в начале 1849 г., в Париже, у Герцена сложился ясный план печатания русских книг за границей и нелегальной доставки их в Россию». Следующая публикация, также содержащая неизданные герценовские тексты, связана с культурной работой Герцена в период его вятской ссылки.

Значительный материал удалось собрать в области эпистолярного наследства Герцена. Всего в настоящем томе публикуется 55 его писем, адресованных

следующим 13 корреспондентам: И. С. Аксакову, Т. Н. и Е. Б. Грановским, М. И. Жихареву, Г. И. Ключареву, М. Р. Леверсону, А. Маццини, в редакцию газеты «Le Nord», Б. И. Ордынскому, Д. В. и Е. В. Пассекам, Е. В. Салиас-де-Турнемири к неизвестному. Разумеется, не весь этот материал равноценен; но если в известной своей части публикуемые письма имеют лишь узко-биографический интерес, то некоторые из них важны, вместе с тем, для характеристики идейной жизни и идейных позиций Герцена.

Расширяют и уточняют наши представления о западно-европейских связях и знакомствах Герцена публикуемые письма к нему Прудона, Мишле, Виктора Гюго и Луи Блана.

Считаем нужным подчеркнуть, что и после опубликования перечисленных материалов, литературное наследство Герцена остается, к сожалению, далеко еще не исчерпанным. Оставшаяся недоступной нам часть его архива, переданная в свое время старшей дочерью Герцена, Натальей Александровной М. П. Драгоманову, а позднее поступившая в хранилища Праги и Варшавы, до сих пор планомерно не разрабатывалась и не изучалась. Единичные отрывочные публикации материалов этого фонда позволяют предполагать, что по богатству своему он представляет исключительную ценность.

Вновь обнаруженные в последнее время письма Герцена позволяют установить ряд неизвестных прежним исследователям его статей в различных западно-европейских изданиях; так, например, упоминавшиеся выше, напечатанные в № 7—8 «Литературного Наследства» статьи Герцена «Из воспоминаний о прошлом годе одного русского», «Царь Александр II» извлечены: первая — из газеты «Der Kosmos», вторая — из журнала «Pensiero ed Azione». С уверенностью можно предполагать наличие статей Герцена в ряде других журналов и газет. Отсутствие комплектов их в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда лишило нас возможности продолжить начатые поиски.

В ближайшем окружении Герцена первое место принадлежит, бесспорно, Огареву, его достойному спутнику и соратнику в революционной борьбе. С публикацией литературного наследства Огарева дело обстоит значительно хуже, чем с публикацией литературного наследства Герцена. Только поэтические произведения его собраны в настоящее время с достаточной полнотой; его же очень многочисленные публицистические работы остаются рассеянными в различных редких и труднодоступных изданиях. Печатаемые в настоящем томе публицистические тексты Огарева, а также разнотипные и разнохарактерные материалы, извлеченные из его записных книжек, обогащая облик Огарева-публициста рядом дополнительных черт, еще раз со всей остротой выдвигают вопрос о необходимости сведения его публицистических работ воедино и об издании такого свода их.

Едва ли не центральное место в настоящем томе занимает исключительно содержательная подборка неизданных писем Огарева к Герцену, состоящая из 151 письма, охватывающих период 1856—1870 гг. Тематика писем: совместная издательская деятельность Герцена и Огарева, их отношения с «молодой эмиграцией», их семейная жизнь. 48 писем Огарева к П. Л. Лаврову существенно корректируют традиционное представление об Огареве последних лет его жизни как о человеке полностью отошедшем от революционной работы, целиком замкнувшемся в рамки личной жизни. Раздел, посвященный эпистолярному наследию Огарева замыкается его письмами к Т. П. Пассек (9 писем), А. П. Плаутиной (8 писем), А. В. Голов-

няну, А. А. Тучкову, И. И. Кельсиеву, А. А. Герцену, неизвестному (по одному письму).

Обширный и разнообразный документально-текстовый материал, рисующий сложную и запутанную историю отношений Герцена и Огарева с младшим поколением русских революционных эмигрантов, представлен в публикации «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция», открывающей второй выпуск настоящего тома. Известно, что уже с начала 1860-х гг. между издателем «Колокола», с одной стороны, и революционной молодежью, с другой, намечаются более или менее серьезные расхождения, с течением времени все более углубляющиеся и обостряющиеся и ко второй половине этого десятилетия приводящие к полному разрыву. Совершенно очевидно, что в нападках «молодой эмиграции» на Герцена было много верного и справедливого. «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму», — писал по этому вопросу Ленин. Но представители «молодой эмиграции» не всегда понимали, что при всех колебаниях Герцена «демократ все же брал в нем верх»; отсюда допущенные ими грубейшие ошибки в оценке общего исторического значения Герцена, их попытки начисто зачеркнуть заслуги Герцена в истории русского революционного движения. Лишь после смерти Герцена в отношении к нему младшего революционного поколения наступает известный перелом, и его деятельность получает новое объективное осмысление и объективную оценку. В вводной статье Б. Козьмина к настоящей публикации предпринята попытка впервые систематизировать и обобщить все относящиеся сюда факты.

Группа материалов из литературного наследия Н. И. Сазонова воскрешает в значительной мере забытую и мало изученную фигуру этого представителя ранней русской эмиграции. Правда, те черты, которые находил Сазонов у Герцена, — «небрежность и дилетантизм обеспеченного человека», — в его собственном социально-психологическом облике занимали неизмеримо большее место и сыграли, в конечном счете, роковую роль в его судьбе. Жизнь Сазонова, не лишенная внешнего блеска, прошла буквально впустую, при всей незаурядности интеллектуальных дарований и возможностей этого человека; он умер, не оправдав ни одной из возлагавшихся на него надежд, не оставив по себе никакого следа в истории своего времени. При всем том, фигура Сазонова несет на себе какой-то знак исторической характеристики и, в этом смысле, естественно включается в орбиту научного исследования. Наибольший интерес представляет здесь работа Н. И. Сазонова «Правда об императоре Николае I», во многом родственная известным памфлетам П. В. Долгорукова. Существенное значение имеют также публикуемые здесь письма Сазонова, при всей их количественной скудности.

Важным документом по истории русского общественного движения и русской эмиграции 1860-х гг. является «Исповедь» В. И. Кельсиева, неизвестная до сих пор русскому читателю и впервые публикуемая здесь по подлиннику, хранящемуся в Архиве Революции (Москва). Представляющая собою акт ренегатства, отступления «Исповедь», вместе с тем, характеризуется довольно объективным (насколько объективность была доступна Кельсиеву в его положении «кающегося грешника») изложением собственной революционной работы автора — путаной и не лишенной прикуса авантюризма — и, что еще важнее, чуждым какого-либо злопыхательства отношением автора к своим прежним единомышленникам. Разумеется, ошибочно было бы

с полной доверчивостью относиться ко всем свидетельствам Кельсиева, а тем более к высказываемым им оценкам отдельных исторических лиц и эпизодов. Но, при крайней скудности мемуарного материала, относящегося к данной эпохе, фактический материал, сообщаемый в «Исповеди», безусловно заслуживает внимания.

Ряд новых документов, впервые вовлекаемых в научный обиход, содержится также в разделе сообщений. Известный до сих пор фонд писем Витберга к Герцену обогащается еще одним письмом, являющимся ответом на сообщение Герцена о его женитьбе на Н. А. Захарьиной. Три новых письма Л. Н. Толстого к Герцену публикуются в составе работы Н. Н. Гусева, представляющей собою исчерпывающий, с фактической стороны, обзор связей и отношений этих двух деятелей. Письмо П. А. Бахметева к Герцену связано с возникновением так называемого «бахметевского фонда». Две телеграммы сына Герцена, Александра Александровича, связанные с психическим заболеванием Натальи Александровны Герцен, служат добавочным штрихом к обрисовке трагической обстановки последних дней жизни Герцена. Содержательно впервые публикуемое письмо Н. А. Серно-Соловьевича к Огареву.

Работа покойного М. М. Клевенского, близкое сотрудничество которого в настоящем томе редакция считает нужным отметить здесь, представляет собою опыт био-библиографического свода сотрудников Герцена по его издательской работе, охватывающего свыше ста имен. Работа эта, предпринятая впервые, ценна тем, что не только подводит итог всем до сих пор производившимся в этой области разысканиям, но и представляет собою результат самостоятельных исследований автора, вводя в научный обиход ряд новых фактических данных.

Основное ядро иллюстративного фонда тома составляет иконография самого Герцена, отраженная в томе с наибольшей полнотой. Далее, на ряду с портретами лиц, примыкающих к ближайшему окружению Герцена (и Огарева), представлены в томе изображения «герценовских мест» в России и за границей, хотя бы они и не были непосредственно связаны с содержанием текстовой части тома, иллюстративные материалы, связанные с историческими событиями той эпохи и т. д.

Часто встречающиеся в томе ссылки на полное собрание сочинений Герцена под ред. М. К. Лемке, даются сокращенно: Герцен, том, страница.

Том подготовлен к печати Б. П. Козьминым и И. В. Сергиевским.